

же тебя знаю: ты боекъ только на словахъ. а натурка твоя жиденькая, и ты спасуешь передъ прозой жизни, даже и не попытавшись побороться съ нею!.. Конечно, Василій Ивановичъ и не думалъ иронизировать, и самъ не подозрѣвалъ глубокаго смысла своихъ словъ, но вѣдь онъ—бессознательный, непосредственный здравый смыслъ: онъ уменъ, какъ дѣйствительность, какъ природа, которая никогда не ошибается, но которая сама не знаетъ ни того, что она разумна, ни того, какъ она разумна, ни даже того, что она существуетъ... Да и зачѣмъ Василію Ивановичу сознание? онъ силенъ и безъ него—большинство, толпа, словомъ, дѣйствительность за него; а на сторонѣ Ивана Васильевича только слова и фразы. Если хотите, на лѣстницѣ нравственнаго совершенства послѣдній стоитъ несравненно выше перваго; но по собственному, исключительному свойству дѣйствительности, среди которой оба они живутъ,—въ сущности оба они сходятъ на нуль. Одинъ, какъ медвѣдь, мечтаетъ, идя по Тверскому бульвару, о московскихъ удовольствіяхъ

„Въ самомъ дѣлѣ, какъ подумаешь, Англійскій клубъ, Нѣмецкій клубъ, Коммерческій клубъ, и все столы съ картами, къ которымъ можно прѣсѣсть, чтобы посмотрѣть, какъ люди играютъ большую и малую игру. А тамъ лото, за которымъ сидятъ помѣщики, и бильярдъ съ усатыми игроками и шутивными маркерѣми. Что за раздолье!.. а цыгане-то, комедія-то, а медвѣжья травля меделянскими мордашками у Рогожской Заставы, а гулянье за городомъ, а театр-то, театр, гдѣ пляшутъ такія красавицы, и ногами такіе вензеля выдѣлываютъ, что просто глазамъ не вѣришь...“

Другой, какъ попугай, мечтаетъ о парижскихъ удовольствіяхъ:

„Господи, Боже мой, какъ жаль, что такъ мало здѣсь движенія и жизни.. *Nel furore...* то ли дѣло Парижъ.. *della tempesta.* Ахъ Парижъ, Парижъ! Гдѣ твои гризетки, твои театры и балы Мюзара... *Nel furore.* Какъ вспомнишь: Лаблашь, Гризи, Фанни Эльслеръ, а здѣсь только что спрашиваютъ, какой у тебя чинъ. Скажемъ: губернский секретарь—никто на тебя и смотрѣть не хочетъ... *della tempesta!*“

Что за странная пустота, что за странное ничтожество въ чувствахъ этихъ двухъ представителей двухъ вѣковъ!

Мы не будемъ распространяться о дивномъ экипажѣ, по имени котораго названо новое сочиненіе графа Соллогуба, о сундукахъ, сундучкахъ, коробкахъ, коробочкахъ, боченкахъ, которыми этотъ экипажъ загроможденъ и увязанъ снаружи, о перинахъ, тюфякахъ, подушкахъ, которыми онъ заваленъ внутри; скажемъ только, что талантъ автора неподражаемъ въ отношеніи всѣхъ этихъ подробностей. Тарантасъ готовъ двинуться; наконецъ, явился и Иванъ Васильевичъ.

„Воротникъ его макинтоша былъ поднятъ выше ушей; подъ мышкой былъ у него небольшой чемоданчикъ, а въ рукахъ держалъ онъ шелковый зонтикъ, дорожный мѣшокъ со стальнымъ замочкомъ и прекрасно переплетенную въ коричневый сафьянъ книгу со стальными застежками и тонко очиненнымъ карандашомъ.“

— А, Иванъ Васильевичъ! сказалъ Василій Ивановичъ.—Пора, батюшка. Да гдѣ же кладъ твоя?

— У меня ничего нѣтъ больше съ собой.

— Эва! да ты, братъ, этакъ въ мѣшкѣ-то своемъ замерзнешь. Хорошо, что у меня есть лишній тулупчикъ на заячьемъ мѣху. Да-бишь, скажи, пожалуйста, что подъ тебя подложить, перину или тюфякъ?

— Какъ? съ ужасомъ спросилъ Иванъ Васильевичъ.

— Я у тебя спрашиваю, что ты больше любишь, тюфякъ или перину? Иванъ Васильевичъ готовъ былъ бѣжать и съ отчаяніемъ поглядывать со стороны на сторону. Ему казалось, что вся Европа увидитъ его въ тулупѣ, въ перинѣ и въ тарантасѣ* (стр. 20).

Да, было отчего въ отчаянье прійти! И вотъ въ чемъ состоятъ европеизмъ господъ въ родѣ Ивана Васильевича. Этими людямъ и въ голову не входитъ, что если въ Европѣ всѣ стремятся къ опозитизированію своего быта,—зато никто, при недостаткѣ, при переворотѣ обстоятельствъ, при случаѣ, не постыдится ни сѣсть въ какой угодно тарантасъ, ни вычистить себѣ, при нуждѣ, сапоги. Этого рода европейцевъ, въ отличіе отъ истинныхъ европейцевъ, не худо бы называть европейцами-татарами...

Ивану Васильевичу было грустно, но дѣлать нечего. Онъ промотался по-русски и нашелъ случай допестись до дому; при томъ же дорогой онъ можетъ изучать Россію и вести свои записки... Все бы хорошо. «Но эта неблагородная перина, но эти ситцевыя подушки, но этотъ ужасный тарантасъ!..» Въ самомъ дѣлѣ ужасно!..

„— Василій Ивановичъ?

— Что, батюшка?

— Знаете ли, о чемъ я думаю?

— Нѣтъ, батюшка, не знаю.

— Я думаю, что такъ какъ мы собираемся теперь путешествовать...

— Что, что, батюшка... Какое путешествіе?

— Да вѣдь мы теперь путешествуемъ.

— Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ, совсѣмъ нѣтъ. Мы просто ѣдемъ изъ Москвы въ Мордасы, черезъ Казань.

— Ну, да вѣдь это тоже путешествіе.

— Какое, батюшка, путешествіе. Путешествуютъ тамъ, за границей, въ Нѣмечинѣ; а мы что за путешественники? Просто—дворяне, ѣдемъ-себѣ въ деревню.“

О, Василій Ивановичъ! о, великій практический философъ, отъ роду не философствовавший! Какъ, съ своей безграмотностью, какъ умнѣ ты этого полуграмотнаго фертика! Потому умнѣ, что какъ бы ни были грубы твои понятія, ихъ корень въ дѣйствительности, а не въ книгѣ, и, вѣрный степовому началу своей жизни, ты знаешь